

А. М. Щербак

В. В. РАДЛОВ И ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Как в прошлом, так и в настоящее время по вопросу об оценке деятельности В. В. Радлова на поприще тюркологии и в особенности в области изучения памятников рунической письменности высказываются разноречивые мнения. Ошибки, неудачные чтения и переводы исследователя тюркской руники вызывали довольно резкие нападки его коллег на западе, а полемика, сопровождавшая появление почти каждой работы, нередко превращалась в тенденциозное и очень придирчивое разбирательство. Едва ли необходимо специально доказывать необоснованность столь необычного отношения к В. В. Радлову со стороны зарубежных коллег, тем более что отповедь, данная одному из его критиков, В. Бангу, К. Г. Залеманом, сохраняет свою силу и в настоящее время. «Неужели критик,— с возмущением восклицает К. Г. Залеман,— думает, что отдает долг благодарности неумолимому изыскателю, когда, идя по следам проложившего дорогу, с насмешливым злорадством бросает ему вслед камни, о которые когда-то спотыкались нащупывавшие почву ноги?»¹. Для русских и советских тюркологов большое положительное значение работ В. В. Радлова никогда не являлось предметом споров, и чрезвычайно высокая, но вполне заслуженная оценка его научного подвига в России, которая стала для него второй родиной, была дана еще в 1912 г. А. Н. Самойловичем. «Сохраняя полное беспристрастие,— писал он,— можно смело сказать, что в тюркологии с момента ее зарождения и до наших дней не было деятеля более крупного, чем Василий Васильевич Радлов»².

¹ C. Salemann, Zur Kritik des Codex Cumanicus,— ИАН, сер. VI, СПб., 1910, IV, стр. 950.

² А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как тюрколог,— «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества», СПб., 1912, XV, 1, стр. 23.

И. Работы В. В. Радлова, посвященные рунике, печатались в течение последних десяти лет прошлого столетия и в начале нынешнего века, точнее, с 1891³ по 1911 г. Это был петербургский период его жизни, пора научной зрелости, когда на смену поискам и собиранию материалов по живым тюркским языкам Сибири и Поволжья, по этнографии и фольклору пришло стремление проникнуть глубже в древность, осмыслить исторические процессы, заняться обобщением накопленных фактов. Именно в этой связи у В. В. Радлова появляется интерес к руническим надписям Монголии, а позднее к памятникам уйгурской, манихейской, сирийской и арабской письменности.

Занятия руническими надписями сблизили В. В. Радлова с такими известными исследователями Сибири и собирателями сибирских древностей, как Д. А. Клеменц, Н. М. Ядринцев, А. В. Адрианов, Н. М. Мартыанов. Последние, сами и с помощью других лиц, добывали ценнейшие сведения о вновь открытых памятниках, снимали с них эстампажи, делали рисунки, чертежи и все это посылали В. В. Радлову⁴. Таким образом в конце прошлого века образовалось небольшое по своему количественному составу, но очень деятельное, активное содружество людей, объединенных одной целью: разгадать тайны Южной Сибири. Это обстоятельство имело важное значение для развития отечественной рунологии и в конечном итоге предопределило ее успехи.

Приступая к исследованию памятников рунической письменности, В. В. Радлов ставит перед собой задачу собрать все известные надписи, разыскать новые и сделать их доступными для широкого круга специалистов. С этой целью в 1891 г. он организует академическую экспедицию в Монголию и вскоре после возвращения публикует предварительный отчет о ее результатах⁵. В этом же году был переиздан ряд текстов⁶, а в 1892 г. начинает выходить «Атлас древностей

³ Обращение В. В. Радлова к памятникам рунической письменности можно датировать и более ранним временем. См.: W. Radloff, *Aus Sibirien*, II, Leipzig, 1884, стр. 131.

⁴ См.: Архив АН СССР в г. Ленинграде, ф. 177, оп. 2, №№ 128, 166 (письма Д. А. Клеменца и Н. М. Мартыанова). Многие эстампажи, например, были изготовлены для В. В. Радлова... Ошурковым.

⁵ В. В. Радлов, Предварительный отчет о снаряженной... Академией наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона, СПб., 1892 (СТОЭ, I), стр. 1—12.

⁶ В. В. Радлов, Сибирские древности. I, вып. 2, — «Материалы по археологии России», СПб., 1891, № 5, Приложения, стр. 31; I, вып. 3, — «Материалы по археологии России», СПб., 1894, № 15, Приложения, стр. 96 и сл.

Монголии»⁷, включивший в себя описание и репродукции большого количества орхонских и енисейских надписей и писаниц (надписи в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука, Онгинская надпись, Асхете I, II; Элегес, Уюк-Тарлаг, Уюк-Туран, Кули-Хем ~ Куйлуг-Хем, Кара-Суг, Барык I—IV, Хая-Бажы ~ Хая-Ужу, Чаа-Холь I—IV, VI—VIII, Уйбат I—V, Туба III, Алтын-кель I, II, Оя, Ачура, Означенная). Основным источником для составления атласа послужили материалы, собранные Орхонской экспедицией.

Важным стимулом к интенсивному изучению памятников рунической письменности явилась дешифровка в 1893 г. датским ученым В. Томсеном орхоно-енисейских рун. С этого времени все усилия В. В. Радлова концентрируются в одном направлении и характер его исследовательских поисков всецело определяется стремлением как можно скорее ввести в тюркологию новые материалы. Вот некоторые подробности, относящиеся к этому периоду. В декабре 1893 г. В. В. Радлов получил от В. Томсена письмо⁸, в котором сообщалось о раскрытии тайны рунических надписей, а за несколько дней до появления знаменитого «Notice préliminaire» В. Томсена — список знаков рунического алфавита; и уже на первом январском заседании Академии наук в 1894 г., сообщая о расшифровке В. Томсеном орхоно-енисейских рун, он предложил свое чтение и перевод памятника в честь Кюль-тегина. Ввиду важности выполненной работы Академия наук разрешила размножить ее и разослать в качестве предварительного опыта различным ученым и научным обществам. Первый экземпляр был послан В. Томсену⁹. Вслед за этим появляются три выпуска «Древнетюркских надписей Монголии»¹⁰, содержа-

⁷ В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, — «Труды Орхонской экспедиции», вып. I, СПб., 1892; вып. II, СПб., 1893; вып. III, СПб., 1896; вып. IV, СПб., 1899. В процессе собирания материалов для атласа В. В. Радлов уделял много внимания и техническим вопросам, в частности способу изготовления эстампажей (см.: В. В. Радлов, О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях, — ЗВРАО, 1893, VII, стр. 169—181).

⁸ Письмо В. Томсена датировано 29 ноября 1893 г. Оно хранится в Архиве АН СССР в г. Ленинграде (ф. 177, оп. 2, № 252). Кстати, в этом письме В. Томсен дает очень высокую оценку В. В. Радлову как тюркологу: «Что касается толкования и перевода надписей, — пишет он, — я сожалею только о том, что не являюсь Радловым».

⁹ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin, St.-Pbg., 1894.

¹⁰ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 1. Lfg.: Die Denkmäler von Koscho-Zaidam, St.-Pbg., 1894 (март); 2. Lfg.: Die Denkmäler von Koscho-Zaidam, St.-Pbg., 1894 (май); 3. Lfg.: Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei, St.-Pbg., 1895.

щие описание и объяснение знаков рунического алфавита, текст, транскрипцию и перевод надписей в честь Кюль-тегина (стр. 4—40) и Бильге-кагана (стр. 40—83), словарь к ним, дополнения к словарю и индекс (стр. 85—148), улучшения и дополнения к изданным текстам (стр. 175—243), тексты и переводы других орхонских и енисейских надписей (стр. 243—346), словарь к енисейским надписям (стр. 347—379), список сочетаний рун (стр. 380—387), материалы по морфологии древнетюркских диалектов (стр. 388—422), хронологический справочник и указатель собственных имен, встречающихся в текстах (стр. 423—438), новые переводы памятников из Кошо-Цайдама (стр. 439—459), дополнения к словарю древнетюркских надписей (стр. 460).

В 1897 г. выходит в свет «Новое издание»¹¹, а в 1899 г.— «Второе издание»¹² «Древнетюркских надписей Монголии». «Новое издание», являясь в своей основной части очерком фонетики, морфологии и синтаксиса древнетюркского языка, содержит также новую публикацию надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, исправления и дополнения к другим надписям, глоссарий. «Второе издание» целиком посвящено надписи в честь Тоньюкука¹³.

В 1899 г. была издана статья с текстом и переводом рунической надписи, найденной в Семиречье¹⁴, в 1908 г.— статья о древних, домусульманских, письменностях тюрков, включая руническую¹⁵.

Несколько позднее в связи с необходимостью учета результатов новейших в то время исследований для понимания орхонских надписей В. В. Радлов издает ряд небольших статей¹⁶, посвящая первую из них обсуждению опубликованных

¹¹ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, St.-Pbg., 1897. См. также: В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, СПб., 1897 (СТОЭ, IV) (описание и транскрипция текста надписей сделаны В. В. Радловым, перевод — П. М. Мелиоранским с немецкого перевода в «Neue Folge», стр. 130—157).

¹² W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

¹³ Предварительное сообщение о надписи в честь Тоньюкука было опубликовано В. В. Радловым в 1898 г., см.: W. Radloff, Eine neu aufgefunden alttürkische Inschrift. Vorläufiger Bericht, — ИАН, сер. V, СПб., 1898, VIII, стр. 71—76.

¹⁴ В. В. Радлов, Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда, — ЗВРАО, 1899, XI, стр. 85—86.

¹⁵ W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben, — ИАН, сер. VI, СПб., 1908, II, стр. 835—839.

¹⁶ W. Radloff, Altürkische Studien, I, — ИАН, сер. VI, СПб., 1909, III, стр. 1213—1220.

А. Лекоком восьми рукописных фрагментов из Турфана (фрагмент Т. II, Т. 20 — перечень знаков рунического алфавита, объясняемых при помощи букв манихейского письма; фрагмент Т. М. 340 — текст, написанный рунами и уйгурскими буквами), а вторую¹⁷ — разбору фрагмента рунической надписи на бумаге (всего шесть строк), переданного ему С. Ф. Ольденбургом. В четвертой и пятой статьях изложены различные соображения по вопросу о древнетюркских диалектах¹⁸.

II. Тематика и содержание названных выше работ разнообразны. Они включают в себя помимо текстов с переводами и глоссариями лексические и грамматические комментарии, подробные очерки графики и фонетики, описание морфологии, синтаксиса, высказывания по вопросам происхождения рунического алфавита и т. д.

II, 1. В комментариях к изданиям надписей¹⁹ предлагают возможные варианты чтения и перевода отдельных слов и фраз, приводятся доказательства в пользу предпочитаемого толкования текста и тщательно разбираются критические замечания В. Томсена. Следует напомнить в связи с этим, что одновременно с первыми изданиями рунических текстов начинается полемика между В. В. Радловым и В. Томсеном, которая в общем имела положительное значение, хотя и приобретала в ряде случаев несколько необычную остроту. В спорах с В. Томсеном В. В. Радлов иногда ошибался. Так, он отрицал привативное значение форм *älcipä-*, *älcipät-*, *ka-ḡanṣīra-*, *kaḡanṣīrat-*, *uruḡṣīrat-* в тексте памятника в честь Кюль-тегина²⁰, без достаточных оснований подвергал сомнению правильность интерпретации В. Томсеном руны **ṙ** (*ī*, *i* и «нечто среднее между *ä* и *i*») и рассматривал ее как обозначение *ī*, *i*, с одной стороны, и *ä* — с другой²¹. Однако В. В. Радлов не упорствовал в своих ошибках и заблуждениях и довольно быстро исправлял неправильности чтения и перевода, ср., например, интерпретацию руны **ṙ**²², толкование отдель-

¹⁷ W. Radloff, *Altürkische Studien*, III, 1. Ein Fragment in türkischer Runenschrift, — ИАН, сер. VI, СПб., 1910, IV, стр. 1025—1029.

¹⁸ W. Radloff, *Altürkische Studien*, IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte, — ИАН, сер. VI, СПб., 1911, V, стр. 304—326; *Altürkische Studien*, V. Die alttürkischen Dialekte, — ИАН, сер. VI, СПб., 1911, V, стр. 427—452.

¹⁹ W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, 3. Lfg., стр. 175—187, 202—243; егo же, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, стр. 28—85.

²⁰ Там же, стр. 204—209, 225, 226.

²¹ Там же, стр. 180—183. См. также: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Neue Folge, стр. 5 и сл.

²² W. Radloff, *Altürkische Studien*, V, стр. 428, 429.

ных слов, составных числительных (*äki otuzun* не «тридцать второй», а «двадцать второй»)²³.

Комментарии содержат много интересных и ценных замечаний. В. В. Радлов первым обратил внимание на употребление руны н² в аффиксе винительного падежа, присоединяемом к форме принадлежности 3-го лица, независимо от характера вокализма основы и высказал предположение, «что *i* аффикса принадлежности еще не подчинялся гласным основы и что древние тюрки произносили *kaḡani, kizi, saci, subı* и винительный падеж от этих слов звучал *kaḡanin, kizin, sacin, subın*»²⁴. В порядке возражения В. Томсену В. В. Радлов справедливо указывает на возможность толкования *buḡsız* (~ *buḡsuḡ*) в некоторых местах как синонима *kaḡäksiz* 'безграничный', 'неограниченный'²⁵.

II, 2. В. В. Радлов не занимался специально рунической палеографией, тем не менее он нередко прибегает к сопоставлению начертаний рунических знаков в различных памятниках. Определенную роль в обращении В. В. Радлова к палеографии сыграло знакомство с Онгинской надписью, о своеобразном начертании рун в которой он писал дважды²⁶. Сравнивая знаки Онгинской надписи с рунами на памятниках Кошо-Цайдама (ср. = , = , = , =) и отмечая, что составитель ее еще не имел четкого представления об употреблении парных знаков (для твердых и мягких согласных) и часто использовал как равноценные руны и , и , В. В. Радлов высказывает предположение, что знаки Онгинской надписи более древние и образуют переходную ступень от енисейских к орхонским.

Особое значение данные палеографии имели для выяснения общих вопросов развития рунической письменности. В. В. Радлов подчеркивал значительное расхождение между енисейским и орхонским алфавитами и, исходя из этого, а также принимая во внимание отсутствие на территории между рекой Хануй и хребтом Танну-Ола каких-либо следов рунических надписей, делал вывод о параллельном и независимом друг от друга развитии названных алфавитов²⁷.

²³ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge, стр. XXI.

²⁴ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., стр. 185.

²⁵ Там же, стр. 236—238.

²⁶ Там же, стр. 245; *ergo* же, Altürkische Studien, IV, стр. 315.

²⁷ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., стр. 301.

II, 3. Касаясь вопроса о происхождении рунического письма, В. В. Радлов подчеркивает свое согласие с точкой зрения В. Томсена, рассматривавшего это письмо как разновидность семитического алфавита, усвоенного через посредство иранцев²⁸.

II, 4. Значительное место в работах В. В. Радлова занимают разделы, посвященные языку рунических надписей, в которых уточняются значения отдельных слов и фразеологических сочетаний, анализируются грамматические особенности и в которых, что наиболее существенно, дано первое довольно подробное описание фонетики, морфологии и синтаксиса древнетюркского языка.

Фонетический раздел²⁹ состоит из очерков, содержащих характеристику гласных и согласных в начале, середине и конце слова, а также разбор фонетических явлений, и прежде всего гармонии гласных. В. В. Радлов, в отличие от некоторых современных исследователей, не поддался иллюзии в отношении бедности древнетюркского вокализма под влиянием данных графики и с самого начала был глубоко убежден в полифонности соответствующих знаков. Спор с В. Томсеном, рассматривавшим руны $\mathfrak{z}$, $\mathfrak{x}$ как обозначения межзубных согласных³⁰, не был решен ни в пользу В. В. Радлова, ни в пользу В. Томсена, тем не менее он вызвал поиски аргументов, новых фактов, сделал необходимым более тщательный анализ рунической графики. Еще в конце прошлого столетия В. В. Радлов сделал правильный, по существу, вывод относительно основной тенденции в эволюции тюркского консонантизма, заявив, что тюркские согласные постоянно развивались от глухих к звонким или от сильных к слабым, но ни в коем случае не в противоположном направлении и что начальные звонкие шумные в языках южной группы вторичны³¹.

В результате тщательного исследования В. В. Радловым были выделены необычные или довольно редкие для современных тюркских языков морфологические элементы, такие, как аффикс орудного падежа *-in ~ -in*, аффикс винительного падежа *-iḡ ~ -ig*, аффикс парности *-lī ~ -li*, ср. *künli tünli* 'день и ночь', *bāḡli bodunlī* 'беки и народ'; аффикс *-kī ~ -ki* в составе порядковых числительных, например: *ilki* 'первый', *jäḡirmiki* 'двадцатый', *otuzkī* 'тридцатый'; аффиксы, образу-

²⁸ W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben, стр. 836.

²⁹ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, стр. 27, 28.

³⁰ Там же, стр. 27, 28.

³¹ Там же, стр. 39, 40.

щие наречия, *-pa ~ -pā, -ja ~ -jā* и *-tī ~ -ti*, ср. *ičrā* 'внутри', *асра* 'внизу', *jīraja* 'налево (~ на север)', *bārija* 'направо (~ на юг)', *ādγūti* 'хорошо', *tūkāti* 'совсем, полностью', *katibdi* 'крепко'; аффикс отыменных глаголов *-ik ~ -ik;* *ičik-* 'подчиняться', *tašik-* 'выходить наружу, распространяться'; аффиксы причастных и деепричастных форм *-gli ~ -gli, -tačī ~ -tāčī, -bma ~ -gmā, -nan ~ -nān, -u ~ -ū ~ -i ~ -i* и многие другие. В. В. Радлов обратил внимание на своеобразие составных числительных, обозначающих десятки и единицы, ср. *отуз артыкī бир* 'тридцать один', *kīrk артыкī jāti* 'сорок семь'³². Бесспорной заслугой В. В. Радлова следует считать выделение «качественного» и направительного падежей, соответственно имеющих аффиксы *-ča ~ -čā* и *-baru ~ -gārū*, например: *субча* 'словно вода', *табча* 'как горы (размером с горы)', *табгачбару* 'в сторону табгачей', *огузбару* 'на огузов'.

И, 5. Важной областью лингвистического исследования рунических надписей для В. В. Радлова являлись древнетюркские диалекты. Проблеме диалектных различий посвящены небольшие разделы в издании «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» и два специальных очерка в цикле «Altürkische Studien»³³. В. В. Радлов неоднократно отмечал важность и значительность размеров смешения древнетюркских диалектов, рассматривая данный процесс как основную причину, обусловившую смешанный характер современных тюркских языков³⁴. Итогом кропотливых разысканий явилось создание классификации древних диалектов, в основу которой были положены как фонетические, так и морфологические признаки. Были выделены три диалекта: 1) северный (die Sprache des Türk-Sir-Volkes), 2) южный (die uigurische Sprache) и 3) смешанный, который в свою очередь подразделялся на западный и восточный.

К северному диалекту В. В. Радлов отнес все рунические памятники, общими признаками которых, по его мнению, являются: паличие в аплауте только глухих шумных согласных, кроме *б*; сохранение *б* в словах, оканчивающихся на *н* или *н*; употребление аффикса притяжательного падежа *-iң ~ -iң*, аффикса местно-исходного падежа *-да ~ -дā*, аффикса направительного падежа *-бару ~ -gārū*, аффикса дательного падежа *-ка ~ -kā* (для формы принадлежности 1-го лица единственного числа возможно *-а ~ -ā*), аффикса *-diγ ~ -diγ* во 2-м ли-

³² W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., стр. 388—422; его же, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, стр. 45—129.

³³ W. Radloff, Altürkische Studien, IV, стр. 304—326; V, стр. 427—452.

³⁴ W. Radloff, Altürkische Studien, IV, стр. 306.

це единственного числа и аффикса *-dīgiz* ~ *-digiiz* во 2-м лице множественного числа глагольных форм прошедшего времени.

Южный диалект в классификации В. В. Радлова представлен памятниками уйгурской письменности, и в числе основных признаков его названы следующие: возможность перехода *б* в *м* в словах, оканчивающихся на *н* или *ң*; наличие особой формы исходного падежа; употребление аффикса притяжательного падежа *-niң* ~ *-niң*, аффикса 2-го лица единственного числа глагольной формы прошедшего времени *-diң* ~ *-diң* и т. д.

Смешанный диалект, как полагал В. В. Радлов, отразился в манихейских текстах, написанных буквами уйгурского и манихейского алфавитов, в каирской рукописи «Кутадгу билиг» и в некоторых других. Он обнаруживает особенности, свойственные и северному и южному диалектам.

Хотя впоследствии были предложены другие классификации древнетюркских диалектов, разработанные с учетом новых материалов и новых исследований, классификация В. В. Радлова не утратила своего научного значения и может быть использована в качестве одного из исходных пунктов дальнейших поисков.

II, 6. Большую осторожность проявлял В. В. Радлов при датировке рунических памятников. Вопрос о датировке — необычайно трудный, так как ни на одном из памятников дата составления текста не указана. Опираясь на анализ содержания и учитывая результаты исследования палеографических особенностей, а также свидетельства исторических источников, В. В. Радлов считал наиболее правильным и в достаточной мере обоснованным относить составление первых рунических надписей к концу VII или началу VIII в.³⁵ Эта датировка, пожалуй, и в настоящее время является общепринятой.

III. Данные, полученные в результате исследования руники, были использованы В. В. Радловым в статье о тюркских гласных³⁶, лексика рунических надписей вошла в «Опыт словаря тюркских наречий», печатание которого началось в 1888 г. и завершилось в 1911 г. Все то, что было достигнуто в указанной области, стало достоянием и других тюркологов, способствовало дальнейшему развитию тюркологии и во многом предопределило ее современное состояние, структуру и характер.

IV. Подводя итог краткому обзору научной деятельности

³⁵ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., стр. 301—303.

³⁶ W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems, — ИАН, сер. V, СПб., 1901, XIV, № 4, стр. 425—462.

В. В. Радлова, связанной с изучением памятников рунической письменности, необходимо воздать должное ему не только как ученому, создавшему фундаментальные труды и обогатившему тюркологию рядом открытий, но и как первоискателю, одному из пионеров современной отечественной тюркологии. Под влиянием В. В. Радлова и его работ формировалась ленинградская школа тюркологов, научные идеи В. В. Радлова нашли отражение в трудах крупнейшего советского тюрколога С. Е. Малова и в трудах его многочисленных учеников.

В. В. Радлов — выдающийся ученый, неутомимый исследователь и большой труженик науки. С именем В. В. Радлова связана целая эпоха в нашей науке, но для того чтобы справедливо оценить его заслуги, не следует никогда забывать, что это была эпоха зарождения тюркологии, эпоха «интенсивного собирания и издания материалов по живым турецким наречиям и письменным языкам и первоначальной, только предварительной обработки наличных материалов»³⁷.

Благодаря почину В. В. Радлова и его усилиям в среде советских тюркологов никогда не ослабевал интерес к тюркским древностям, руника прочно заняла подобающее ей место в исследованиях лингвистов, историков, литературоведов. Долг советских тюркологов — поддержать и развить дух больших творческих исканий В. В. Радлова, продолжить начатую им работу, выявить новые памятники, углубить изучение изданных текстов, наконец, создать корпус рунических надписей, представляющих огромную научную и вместе с тем культурно-историческую ценность.

³⁷ А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как тюрколог, стр. 32.